

Оригинальная статья / Original article

УДК 314.743+94(47)084.8

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-228-237>

Диссидентское движение в СССР на страницах русскоязычной печати в США во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг.

© Т.С. Кулепанова (Шугайло)

Дальневосточный информационно-культурный центр «Русское зарубежье» Приморского краевого отделения «Русского Географического Общества» – Общества изучения Амурского края, г. Владивосток, Россия

Аннотация: Автор с позиции исторической имагологии анализирует формирование образа СССР в среде русской диаспоры в США и влияние на данный процесс диссидентского движения во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. Источниковую базу исследования составили публикации крупных русскоязычных изданий в США, отражавшие основные направления политической ориентации российских эмигрантов. Делается вывод о наличии ряда тенденций в оценке диссидентства и эволюции восприятия эмиграцией советского общества. Доминирующую часть СМИ составляли антикоммунистические газеты и журналы, в которых дискурс о Советском Союзе опирался на бинарные оппозиции – концепты «русский народ» и «советская власть», рассматривавшиеся в рамках дихотомии «свой – другой/чужой». Для этих изданий возникшее в СССР диссидентское движение стало определенным рубежом в формировании представлений о советском обществе, поскольку оказалось, что в Советском Союзе имеются социальные круги, способные бороться за свои гражданские права. Деятельность советских диссидентов, обсуждавшаяся в прессе, усиливала стереотипные установки антикоммунистов о СССР, повлияв на содержание концептов «русский народ» и «советская власть». Поначалу эмигранты увидели в инакомыслящих союзников в противостоянии коммунизму, однако затем их разочаровала рас пространенная среди диссидентов идея создания социализма с «человеческим лицом». Но часть диаспоры, стоявшая на позициях политического центра, позитивно воспринимала стремление демократизировать советскую систему. При этом все антикоммунистические круги эмигрантов преувеличивали роль инакомыслящих в политической жизни СССР и не замечали реальной поддержки советской системы со стороны населения. Иной позиции придерживалась коммунистическая газета «Русский голос», не публиковавшая негативную информацию об СССР и отвергавшая сам факт наличия там протестного движения.

Ключевые слова: русская эмиграция, русская эмигрантская пресса, диссидентское движение, США, СССР, советское общество, холодная война, имагология, оппозиция «свой – чужой»

Для цитирования: Кулепанова (Шугайло) Т.С. Диссидентское движение в СССР на страницах русскоязычной печати в США во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17. № 2. С. 228–237. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-228-237>

The dissident movement in the USSR on the pages of the Russian-language press in the United States in the second half of the 1960s – early 1980s

© Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo)

Section of Primorsky Regional Department of Russian Geographical Society – Society of Research of Amur Region. Far Eastern Information and Cultural Center “Russian Diaspora”, Vladivostok, Russia

Abstract: Author analyzes the formation of the image of USSR among the United State’s Russian Diaspora and the influence of the dissident movement on this process in the second half of the 1960s – early 1980s from the standpoint of historical imagology. The historical source’s base of the article based on the major publications of the Russian emigration, reflecting the main directions of the political orientation of Russian emigrants. It is concluded that there are a number trends in the assessment of dissidence and the evolution of perception of Soviet society by the emigration. Anti-communist newspapers and magazines were the dominant part of the media, in which the discourse about Soviet Union was based on binary oppositions – the concepts of “Russian people” and “Soviet power”, considered within the framework of the dichotomy “own – other/strange”. For

these publications, the dissident movement in USSR became a certain line in the formation of ideas about Soviet society, since it turned out that in the Soviet Union there are social groups able to fight for their civil rights. The activities of Soviet dissidents, discussed in the press, reinforced the stereotypical anti-communist's attitudes about the USSR, influencing the content of the concepts "Russian people" and "Soviet power". At first, the emigrants saw in dissidents allies in opposition to communism, but then they were disappointed by the idea of socialism with a "human face" widespread among dissidents. Nevertheless a part of diaspora, which held the positions of the political center, positively perceived the desire to democratize the Soviet system. At the same time, all anti-communist circles of emigrants exaggerated the role of dissidents in the political life of the USSR and did not notice the real support of the Soviet system from the people. The communist newspaper "Russian Voice" adhered to a different position, which did not published negative information about USSR and rejected the fact that there was a protest movement.

Keywords: Russian emigration, the Russian emigrant press, dissident movement, the United States, the USSR, Soviet society, Cold War, imagology, opposition "own – strange"

For citation: Kulepanova (Shugaylo) T.S. (2021) The dissident movement in the USSR on the pages of the Russian-language press in the United States in the second half of the 1960s – early 1980s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 2. P. 228–237. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-2-228-237>

Эмигрантская пресса отражает эмпирический опыт представителей Русского зарубежья, прошедших сквозь исторические катаклизмы XX века. Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. авторы делились в публикациях своим видением событий в Советском Союзе, и, в частности, давали нетривиальные оценки такому феномену, как диссидентское движение, который неоднозначно трактуется современным историческим сообществом. Данное явление повлияло на процесс формирования образа СССР в восприятии русской диаспоры в США. Эмигрантские СМИ транслировали новые и прежние составляющие образа России, воздействуя на представления о родине в медийном дискурсе. Публицисты диаспоры продолжали быть духовно связанными с Отечеством, и, несмотря на негативное отношение к коммунизму, многое делали для формирования положительного образа русского народа. Анализ эмоционально-мировоззренческого восприятия событий на родине деятелями эмиграции представляет несомненную научную актуальность, способствуя более глубокому осмыслению как истории русского зарубежья, так и различных сфер жизнедеятельности в самой России с учетом «взгляда извне». Вместе с тем изучение процессов создания имиджа нашей страны за рубежом при информационной поддержке соотечественников в настоящий момент приобретает практическое значение в контексте

нарастающей политической демонизации России со стороны Запада.

В данной статье ставится задача проанализировать, как представители разных политических сил эмиграции воспринимали феномен диссидентского движения, а также каким образом под влиянием этого фактора трансформировался образ Советского Союза и его основные компоненты в видении эмигрантского сообщества в США во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг.

В исследовании автор руководствовался теорией исторической имагологии, изучающей взаимовосприятия стран, народностей, представителей культур, отдельных индивидов и групп в контексте оппозиции «свой–чужой». Эта дисциплина оперирует понятием «образа» – некоего представления о реальности, смыслового поля, динамичной системы, наполненной рациональными и эмоциональными составляющими. Исследователи подчеркивали такие свойства образа, как устойчивость, противоречивость, многослойность. С.С. Ширин отмечал, что они формируются с искажением, «возникающим из-за стремления (часто неосознанного) наделить реальность большей степенью соответствия определенным взглядам» (Ширин, 2008. С. 80, 84; Урядова, 2015).

Проблема восприятия представителями русской эмиграции в США внутренней политики СССР, в том числе диссидентского движения во второй

половине 1960-х – начале 1980-х гг., поднималась в исследованиях А.В. Антошина (Антошин, 2014), но до сего времени остается малоизученной.

Основными источниками для статьи послужили материалы прессы Русского зарубежья разной политической окраски. К правому лагерю эмиграции относились такие правоконсервативные издания как газеты «Россия» (начало издания – 1933 г., Нью-Йорк) и «Вестник правды» (1964 г., Сан-Франциско), журнал «Согласие» (1951 г., Лос-Анджелес). Политический центр Русского зарубежья в публикации представлен либерально-демократической газетой «Новое русское слово» (1910 г., Нью-Йорк) и «Новым журналом» (1942 г., Нью-Йорк). Авторы газеты «Русская жизнь» (1921 г., Сан-Франциско) высказывали идеи, характерные как для политического центра, так и для правого лагеря эмиграции. Позиции левого блока отражены в коммунистической газете «Русский голос» (1907 г., Нью-Йорк), которая со времени своего создания ориентировалась на целевую аудиторию крестьян и рабочих, покинувших Россию.

Во второй половине 1960-х гг. с укреплением власти Л.И. Брежнева идеологические послабления периода «оттепели» сменились более жестким контролем, что в некоторых кругах советских интеллектуалов расценивалось как «возврат к сталинизму». Между тем именно в этот период в недрах общества все более развивался идеологический плюрализм, привнесенный поколением «шестидесятников», одним из проявлений которого и стало движение диссидентов. В некоторых городах появились кружки инакомыслящих, состоявшие из научной и творческой интеллигенции и студентов. Диссиденты добивались соблюдения государством демократических прав и свобод граждан, боролись против реабилитации сталинских установок. Особенно известными участниками этого движения стали А.Д. Сахаров, А.И. Солженицын, А.А. Амальрик, Р.А. Медведев и некоторые другие (Пихоя, 2000. С. 253–254).

Появление в СССР движения инакомыслящих, лишение гражданства некоторых его участников вызвало в среде антикоммунистической эмиграции значительный резонанс. Публицисты эмигрантских

СМИ по-разному воспринимали и интерпретировали данное политическое явление. По мнению газеты «Русская жизнь», Кремль избавлялся от наиболее влиятельных диссидентов и старался внушить народу, что инакомыслящие не смогут воспользоваться политикой детанта для реформирования советского общества (У Кремля «полон рот забот» с диссидентами // Русская жизнь. 1976. 25 июня).

Многие авторы политического центра эмиграции, занимая антикоммунистическую позицию, сочувственно относились к положению А.И. Солженицына, А.А. Амальрика, А.Д. Сахарова и с поддержкой воспринимали ряд их идей, касающихся расширения гражданских свобод населения СССР и демократизации советского строя. Авторы правых изданий считали инакомыслящих орудием КГБ, стремящегося убедить западные страны в либерализации советской системы и в положительном ключе повлиять на переговоры по вопросу разрядки напряженности.

В среде Русского зарубежья в центре дебатов о диссидентах неизменно находилась яркая личность А.И. Солженицына, выступавшего с критикой коммунистического строя. Первоначально в середине 1970-х гг. антисоветские авторы восхищались творчеством и деятельностью писателя. «Русская жизнь» называла его «пророком и судьей нашего времени», а газета «Россия» с восторгом рассказывала, как он сумел «дать открытый бой всей коммунистической партии и выдержать его с честью» (О. Михайлов. Солженицын в глазах эмиграции // Россия. 1972. 3 мая; Федоров, 1977а. С. 18–19).

Писатель первой волны эмиграции Р. Гуль удивлялся духовной силе Солженицына, борющегося с «тоталитарной властью полицейского государства». Вместе с тем, воздавая должное его «гордому противостоянию», автор выступал против «иконизации» литератора, называя его «озвенелым зэком».

Лишение Солженицына гражданства СССР в 1974 году вызвало бурную реакцию эмиграции, деятели которой не знали как интерпретировать это событие. «На Западе одни по наивности и даже по дурости объясняли этот жест как «либерализм», а другие – ... чуть не как «предсмертный жест раз-

лагающей диктатуры», третьи – как страх Кремля перед общественным мнением Запада», – писал Р. Гуль (Гуль, 1975. С. 235, 246).

В первое время эмигрантское сообщество надеялось найти среди диссидентов единомышленников. Но большинство послереволюционных и послевоенных эмигрантов не принимало идею социализма с «человеческим лицом», с которой выступали инакомыслящие, и критиковали диссидентов за то, что те боролись не с коммунистическим строем, а с наследием сталинщины (Романкина, 2010. С. 81, 133; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10085. Оп. 1. Д. 132. Л. 6–8; Д. 134. Л. 3). Восторженно отзываясь о деятельности Солженицына, антикоммунисты осуждали его стремление лишь к установлению правопорядка в советском обществе. Журнал «Согласие» называл веру писателя в спасительность нравственного возрождения индивида и эволюцию коммунистического строя «политической маниловщиной» (Федоров, 1977а. С. 22, 27).

Противоречивые реакции в среде эмиграции вызывали деятельность и творчество публициста А.А. Амальрика, написавшего в 1969 году резонансное эссе «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Правозащитник пессимистически смотрел на гипотетическое постсоветское будущее и указывал на неизбежный распад СССР, к примеру, в результате войны с Китаем. В ответ на эти заявления редактор «России» Г.Б. Александровский писал, что, очевидно, Амальрик презирал русский народ и ненавидел историю России. Поэтому вместо того, чтобы предвещать гибель коммунизма, он «пророчествовал конец русской государственности и злорадствовал над этим». «Новое русское слово», более лояльное в оценках, публиковало выдержки из эссе, но сомневалось, не является ли Амальрик агентом КГБ (Новая провокация // Россия. 1970. 17 июня).

В исследуемый период в антикоммунистической прессе политический дискурс о Советском Союзе формировался с опорой на смыслообразующие компоненты – «русский народ» и «советская власть», «Россия» и «СССР». Эти концепты выстраивались как бинарные оппозиции в рамках

базовой дихотомии «свой – другой/чужой», в аспекте которой воспринималось советское общество. Появление диссидентского движения в некоторой степени изменило наполнение компонентов «русский народ» и «советская власть» в статьях антикоммунистов.

Известно, что исторические факторы способны вывести на первый план полузабытые отрицательные или положительные стереотипы, под воздействием которых происходит изменение образа. Сведения о протестном движении усилили базовые стереотипные установки Русского зарубежья, зародившиеся еще в 1920-е гг. в среде белой эмиграции: о перманентном противостоянии населения и власти, а также о готовности советского народа к скорому восстанию против большевиков¹. Под стереотипом, являющимся важным инструментом имагологии, подразумевается упорядоченная «картинка» мира в сознании человека, не точная по содержанию, но облегчающая процесс познания окружающей реальности и защищающая его взгляды (Липпман, 2004. С. 99–111; Соколов, 2010. С. 66, 68). Перечисленные стереотипные установки в период второй половины 1960-х – начала 1980-х гг. фигурировали в эмигрантской прессе чаще, чем в предыдущие годы.

Антикоммунисты в дискурсе о советском обществе транслировали некоторые заявления диссидентов, дублировавшие западные стереотипы о деспотической природе коммунистического строя, общества, идеологии. Тем самым продолжала усиливаться негативная составляющая концепта «советская власть». Актуализировался стереотип, согласно которому СССР и институты советской власти представлялись антикоммунистами как чужеродные элементы, нарушившие своим появлением естественный ход развития страны, лишённые исторической преемственности и не имевшие шансов на развитие в будущем. За СССР закреплялся образ пространства насилия и несво-

¹ Отметим, что в США в исследуемый период проживали известные деятели белой эмиграции – Г.К. Гинс, Р.Б. Гуль, М.А. Михайлова (Гришина-Алмазова), В.М. Молчанов и др. (Гинс, 2013; Гуль, 2019; Петин, 2019).

боды, «большой зоны», «края великого молчания». В то же время антикоммунисты, не принимая власть большевиков, создавали положительный образ русского народа, который представлял как преемник наследия дореволюционной России, хранитель духовных ценностей страны, символизировал будущее государства (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. К. 144).

Нередко авторы осуждали диссидентов, расширявших западные стереотипы с нелицеприятными установками о русской нации. Так, Г.Б. Александровский выступал против выводов Амальрика об отсутствии у советских граждан нравственных ориентиров, о том, что русские люди уважали только сильную власть, не понимали идеи равенства перед законом и личной свободы (Лик современного СССР // Россия. 1970. 10 июн.).

Следует отметить, что авторы-монархисты в большей степени негативно воспринимали движение инакомыслящих. Создавая в статьях конструкцию «русский народ/советская власть» и рассматривая ее сквозь призму дихотомии «свой – другой/чужой», они размещали диссидентов за пределами этой конструкции. Таким образом, правозащитники воспринимались как «другие/чужие», враждебные советской власти, но и не отождествляемые с населением страны. «Возникшее в СССР оппозиционное движение «инакомыслящих» в действительности является движением вненародным, а даже, пожалуй, и противонародным, – писал в журнале «Согласие» Н. Федоров. – Оно духовно, идеологически, идейно-политически, тактически стоит вне народа» (Федоров, 1977b. С. 13). Данная схема отражает представления монархистов о протестном движении, которое они критиковали за приверженность коммунизму, видели социально ограниченным и лишенным связи с народными массами в СССР.

В 1970-е гг. в среде диссидентов на первый план выходили идеи демократизации общества по западному типу, преобразования советских законов по международным нормам, борьбы за права человека. В этом направлении одну из ключевых позиций занимал академик А.Д. Сахаров. Ученый предлагал реформировать политическую

систему в стране, опираясь на идеи демократизации общества, либерализации экономики, преодолении последствий сталинизма. Развитие СССР и стран Запада в условиях ядерной угрозы миру он видел в процессе политической и социально-экономической конвергенции западной и советской систем (Мусатов, 2014. С. 38).

Издания политического центра эмиграции воспринимали проекты Сахарова в большей степени положительно. Так, участник белого движения С.М. Рафальский в «Новом русском слове» позитивно отзывался об идеях демократизации советского режима по западному образцу, высказанных А. Сахаровым в 1970 г. вместе с В. Турчиным и Р. Медведевым в «Письме трех». Он называл план модернизации советского государства «первой продуманной, практически разработанной и развернутой политической программой, появившейся в СССР, вне генеральной линии КПСС» (Зарубежный Амальрик // Россия. 1970. 24 июн.).

Положительные отзывы встречались и среди представителей правого лагеря, в целом относившихся подозрительно к программам А.Д. Сахарова. Писатель первой волны В. Криворотов разделял точку зрения авторов «Письма трех» о том, что КПСС должна провести революцию сверху и назначить руководить сферой экономики образованных специалистов вместо «окопостенелых и малосведущих партийцев» (Криворотов В. Куда грядешь, Россия? // Россия. 1973. 22 март.).

Во второй половине 1970-х – начале 1980-х гг. Русское зарубежье тревожили рост этнической напряженности в СССР и активизация сепаратистских идей на Западе, в том числе среди национальных меньшинств эмиграции. Монархисты поддерживали идею единства и равенства всех национальностей в Советском Союзе с сохранением культурной самобытности каждого народа. Между тем они обвиняли инакомыслящих в разжигании сепаратистских настроений в СССР и стремлении к его расчленению (ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. К. 63; ГАРФ. Ф. 10085. Оп. 1. Д. 134. Л. 6). Эти опасения со стороны консервативных сил не были беспочвенны. Так, А.И. Солженицын в

«Письме вождям» под Россией понимал лишь Великороссию и предлагал центр государственной деятельности страны перенести на север и восток. По мнению правого лагеря эмиграции, эта стратегия была враждебна процветанию родины (Федоров, 1977b).

Публицист Л.А. Волин (псевдоним – Вл. Нилов), перешедший в 1949 г. в Западную зону Германии и эмигрировавший в США, возмущался на страницах «Согласия» политикой двойных стандартов либералов. «Почему существуют две мерки – одна для Запада, другая для России? – писал он. – Разделение Франции, Британии, Испании или Италии вызывает вполне справедливое негодование и даже ужас у европейцев и американцев. Но почему та же печать и те же либералы... обсуждают расчленение России, как нечто само собой разумеющееся?» (Нилов, 1979. С. 24).

Антикоммунисты также рассуждали о степени воздействия инакомыслящих на народные массы и советскую власть. «Русская жизнь» подчеркивала силу этого движения, отмечая, как сложно Кремлю и аппарату КГБ справляться с правозащитниками. Но в большей степени в прессе встречались разочарованные отзывы, в которых авторы указывали на ограниченный социальный состав и малочисленность протестующих (ГАРФ. Ф. 10085. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–8).

И действительно, хотя в конце 1960-х – начале 1980-х гг. происходило некоторое расширение состава диссидентского движения за счет присоединения к нему отдельных представителей рабочей и учащейся молодежи, тем не менее оно оставалось малочисленным и раздробленным и не только не поддерживалось широкими слоями населения, но и нередко вызывало в обществе возмущение своей антисоветской деятельностью (Мусатов, 2014. С. 36–37).

Лишь позже – в разгар перестройки – с политической легализацией инакомыслия в СССР бывшие диссиденты, войдя в состав интеллектуальной элиты, стали оказывать более существенное влияние на настроения в обществе и создание нарратива советской истории с высокой оценкой

их собственной борьбы против системы (Чернолуцкая, 2015. С. 41).

Несмотря на разочарование антикоммунистов эмиграции в деятельности инакомыслящих, можно говорить о том, что с их появлением произошли значительные подвижки в восприятии СССР русской диаспорой. Со второй половины 1970-х гг. журналисты Русского зарубежья заговорили о развитии самостоятельности мышления, росте правосознания населения в СССР, об открытости советского общества. Так, автор «Нового русского слова» П. Маргушин, размышляя об изменениях, происходивших среди «подсоветских» людей, писал, что в стране «образовался новый психологический тип – народ проявил способность к независимости суждений, сначала в области хозяйственной, а теперь и в области гражданских свобод» (П. Маргушин. Положение в СССР // Новое русское слово. 1979. 22 июн.).

В 1980 году Л.А. Волин (журнал «Согласие») отмечал: «Для меня явление Солженицына... и даже прибывших «либерально-демократических» диссидентов – свидетельство ослабления бульдозерной сталинской хватки советского режима... В СССР сейчас изменение нравственной атмосферы вокруг гонимых глубже и перспективнее, чем даже государственный переворот. Ведут себя люди так, будто... этого дракона над нами совсем нет. Воздух другой» (Нилов, 1980. С. 13–17).

Под влиянием идей диссидентов, трансформаций в советском обществе среди антикоммунистов не только активизировались стереотипы о существовании значительной оппозиции режиму в СССР, но и сформировались полярные мнения в вопросе о методах смены советской власти. Многие представители эмиграции, особенно консервативного блока, повсеместно видели признаки надвигающейся русской революции. При этом, если в 1950-х гг. авторы считали, что уничтожить коммунизм можно в союзе населения СССР с западным миром, то со второй половины 1960-х гг. они приходили к выводу, что помощи со стороны Запада, не заинтересованного в появлении сильной России, ждать не придется, и русский народ освободится от советской власти своими силами

(ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 41. Кат. 8. К. 230). Значительную роль в этих переменах сыграла усилившаяся сепаратистская и русофобская риторика среди национальных меньшинств в эмиграции и политических кругов США, а также улучшение отношений сверхдержав в 1970-х гг., в результате чего возросло недоверие антикоммунистов к Западу.

Между тем с середины 1970-х гг. отдельные эмигранты первой и второй волны отвергали идею вооруженного свержения коммунизма. Эти люди, испытавшие разрушительное воздействие событий Октябрьской революции и Гражданской войны, высказывались о необходимости реформирования советского строя. Такого рода метаморфозы во взглядах эмигрантов происходили не только в результате контактов с диссидентами и под воздействием перемен в советском обществе, но и таких международных факторов как потепление отношений США и СССР в 1972–1974 гг. Большое влияние на данный процесс оказали представители третьей волны эмиграции – носители новых сведений о жизни в СССР.

Так, журналистка Ю.В. Крузенштерн-Петерец, как и А.Д. Солженицын, была противницей идеи насильственного свержения коммунизма (Ю. Крузенштерн-Петерец. Россия или марксистская колония // Новое русское слово. 1974. 29 сент.). Л.А. Волин, также соглашаясь с Солженицыным, называл революцию уничтожением народной жизни, не стоящим одержанной победы. Этот публицист и ряд других авторов второй волны эмиграции выделялись нестандартным видением политических процессов в СССР. Например, Волин отрицал взаимосвязь диссидентов с КГБ и сомневался в стереотипе о противостоянии власти и народа СССР в 1970–1980-х гг. (Нилов В. Мелодекламация и реальность // Русская жизнь. 1981. 9 дек.).

С ростом правозащитного движения менялось восприятие СССР правыми силами эмиграции. Так, публицисты «Согласия» писали о том, что в стране существовала современная «подъёмная Россия», в которой происходил духовный поиск и развивалась русская культура (Крастелев, 1982. С. 41). К началу 1980-х гг. образ Советского

Союза в представлениях монархистов постепенно трансформировался, антагонистичные ранее концепты «русский» и «советский», «Россия» и «СССР» сближались, дополняли друг друга.

Несмотря на произошедший перелом в мышлении отдельных представителей белой и послевоенной эмиграции, искаженные, негативные установки о советской стране продолжали оказывать воздействие на антикоммунистов. Зачастую авторы преувеличивали прогрессивное значение диссидентского движения в жизни населения СССР, его влияние на формирование общественного мнения и развитие гражданского самосознания на родине. В советском обществе в этот период, вне зависимости от протестного движения, существовали запросы на расширение политических прав и свобод граждан, ответом на которые в определенной степени стало принятие Конституции в 1977 году.

Авторы антикоммунистической эмиграции искаженно воспринимали многие процессы, происходившие в советском социуме. Ряд современных отечественных и зарубежных ученых, анализируя жизнь в Советском Союзе во второй половине 1960-х–начале 1980-х гг., отмечал, что она была в значительной степени экономически стабильной, более открытой и свободной, насыщенной и многогранной, чем ее видели антикоммунисты. Также исследователи указывали на достаточно высокую степень поддержки советской системы населением (Чернолуцкая, 2015. С. 34–43; Общество и власть..., 2018. С. 453–471, 491, 625–626). В начале 1980-х гг. советские граждане, несмотря на недовольство развивавшимся дефицитом товаров массового потребления и усталостью от идеологического диктата, умеренно критиковали сложившуюся в стране ситуацию и лояльно относились к советской власти, не доходя еще до масштабных протестов (Мусатов, 2014. С. 36; Шубин, 2000. С. 156).

Иную политическую картину жизни советского общества представляла прокоммунистическая газета «Русский голос». Она сообщала о политических событиях в СССР в духе советской пропаганды, акцентируя внимание исключительно на победах социалистического общества, игнорируя

промахи руководства страны. В то время как антикоммунистические СМИ в дискурсе о Советском Союзе рассматривали концепты «русский народ» и «советская власть» сквозь призму дихотомии «свой – другой/чужой» «Русский голос» утверждал, что в советской стране, где государство служит народу, отсутствовали противоречия между слоями общества (Социализм – путь к миру // Русский голос. 1972. 20 апр.).

В газете практически не отразилось диссидентское движение в СССР, оказавшее влияние на западный мир и восприятие советского государства эмиграцией. Лишь в отдельных публикациях упоминались некоторые правозащитники – А.Д. Сахаров, которого авторы видели исполнителем воли агентов сионизма, и А.И. Солженицын, предстающий «крайним реакционером, идеологом великодержавия и шовинистом» (Ю. Мирянин. О чем тоскует Солженицын? // Русский голос. 1972. 25 мая).

Зародившееся во второй половине 1960-х гг. в СССР диссидентское движение стало катализатором, запустившим процессы трансформации образа Советского Союза и его компонентов в представлениях эмигрантского сообщества. Идеи инакомыслящих, порой дублировавшие западные стереотипы, актуализировали негативное наполнение концепта «советская власть», олицетворявшего жестокую деспотическую коммунистическую систему. С 1970-х гг. антикоммунистические СМИ сообщали об изменениях, происходивших в советском обществе, подчеркивая положительную окраску концепта «русский народ». Авторы писали о желании советских граждан расширять свои общественно-политические права.

Сам факт развития протестного движения в СССР всколыхнул и усилил стереотипы, зародившиеся в 1920-е гг. среди белой эмиграции. Под влиянием этих процессов оформились полярные мнения в среде Русского зарубежья в вопросе о методах смены советской власти: многие антикоммунисты возлагали надежды на контрреволюцию, но с середины 1970-х гг. отдельные авторы первой и второй волны склонялись к идее реформирования коммунистического строя.

Население страны в представлениях антикоммунистов, особенно монархистов, ассоциировалось с идеализированным дореволюционным прошлым родины. Русский народ являлся хранителем традиционных ценностей России, ее силой, способной создать постсоветское государство. В то же время коммунистическое руководство и в целом СССР воспринимались как чуждые пространства, оторванные от исторического прошлого страны.

Антикоммунистическая эмиграция в лице диссидентов надеялась обрести союзников в идеологии противостояния советской власти, но была разочарована их нежеланием рушить столпы социалистического общества. В отличие от монархистов, склонных к демонизации протестного движения, авторы политического центра позитивно воспринимали стремление инакомыслящих демократизировать советскую систему. Но все антикоммунисты в той или иной мере преувеличивали роль диссидентов в СССР и не замечали поддержки советской системы со стороны основной части населения.

К началу 1980-х гг. у отдельных эмигрантов первой и второй волны отношение к СССР менялось в направлении включения его в пространство «своего – другого». Во второй половине XX в. восприятие Советского Союза в контексте оппозиции «свой – другой/чужой» являлось одним из факторов консолидации и мобилизации антикоммунистической эмиграции, способствовало более глубокому самоузнаванию диаспоры, формированию и постижению себя через раскрытие потенциала русской культуры и духовности.

Другой полюс мнений в эмигрантской среде представлял коммунистический «Русский голос», транслировавший образ СССР, созвучный советской пропаганде. Издание отвергало стереотипы об антагонизме населения и правительства и не признавало существование социальной напряженности в стране. В политическом дискурсе газеты о родине концепты «русский народ» и «советская власть», между которыми, по мнению авторов, отсутствовали противоречия, принадлежали к одному полюсу «свой».

Библиографический список

Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг. М.: АИРО–XXI; СПб.: Алетейя, 2014. 376 с.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2013. 672 с.

Гуль Р.Б. А.И. Солженицын в СССР и на Западе // Новый журнал. 1975. № 120. С. 233–246.

Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции. Т. 3. Россия в Америке. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 365 с.

Крастелев К. Эмигрантская молодежь – русская ли? // Согласие. 1982. № 368. С. 39–43.

Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Мусатов В.Л. Оппозиционные движения и протестные проявления в СССР и европейских социалистических странах в 1970–1980-е гг. // Инакомыслие в условиях «реального социализма». Поиски новой государственности (конец 60-х–80-е гг. XX в.). М.: Институт славяноведения РАН, 2014. С. 32–59.

Нилов В.А. Диссиденты – могильщики России // Согласие. 1979. № 331. С. 21–26.

Нилов В.А. На что надеяться? // Согласие. 1980. № 345. С. 12–20.

Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Изд. 2-е, перераб. Владивосток: Дальнаука, 2018. 904 с.

Петин Д.И. С авантюрой сквозь жизнь: Мария Александровна Гришина-Алмазова (Михайлова) // Новейшая история России. Санкт-Петербург. 2019. Т. 9. № 2. С. 389–405.

Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 684 с.

Романкина И.А. Типология диссидентского движения в СССР (1950-е–1980-е годы). М.: Центр исследований православной культуры и традиций, 2010. 197 с.

Соколов В.М. Образ России в британской прессе начала 1990-х гг. (культурологический аспект) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 1 (107). С. 64–69.

Урядова А.В. Возможности использования имагологии для изучения образа Советской России (СССР) в среде русской эмиграции // Вестник Ярославского госу-

References

Antoshin A.V. (2014) From the Russian of Montmartre to Brighton Beach: evolution of the Russian World in the 1950s – early 1980s. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: Aleteiya. 376 p. (In Russ.)

Gins G.K. (2013) Siberia, allies and Kolchak. Turning point of Russian history. 1918–1920. Moscow: Ayris-press. 672 p. (In Russ.)

Gul' R.B. (1975) A.I. Solzhenitsyn in the USSR and in the West. *Novyy zhurnal = The New Review*. No. 120. P. 233–246. (In Russ.)

Gul' R.B. (2019) I took Russia away. Vol. 3. Russia in America. Moscow; Berlin: Direkt-Media. 365 p. (In Russ.)

Krastelev K. (1982) Are emigrant youth is Russian? *Soglasie = Agreement*. No. 368. P. 39–43. (In Russ.)

Lippman Y. (2004) Public opinion. Moscow: "Public opinion" foundation's institute. 384 p. (In Russ.)

Musatov V.L. (2014) Opposition movements and protest manifestations in the USSR and European socialist countries in the 1970–1980s. *Inakomyslie v usloviyakh «real'nogo sotsializma». Poiski novoy gosudarstvennosti (konets 60-kh – 80-e gg. XX v) = Dissent in the conditions of «real socialism». The search for a new statehood (late 60s – 80s of the XX century)*. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. P. 32–59. (In Russ.)

Nilov V.A. (1979) The dissidents are the gravediggers of Russia. *Soglasie = Agreement*. No. 331. P. 21–26. (In Russ.)

Nilov V.A. (1980) What to hope for? *Soglasie = Agreement*. No. 345. P. 12–20. (In Russ.)

Larin V.L. (2018) Society and Power on the Russian Far East in 1960–1991 (History of Far East of Russia. Vol. 3. Book 5). Vladivostok: Dal'nauka. 904 p. (In Russ.)

Petin D.I. (2019) With adventure through life: Maria Alexandrovna Gryshina-Almazova (Mikhaylova). *Novейshaya istoriya Rossii = Modern History of Russia*. St. Petersburg. Vol. 9. No. 2. P. 389–405. (In Russ.)

Pikhoya R.G. (2000) The Soviet Union: the history of power. 1945–1991. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. 684 p. (In Russ.)

Romankina I.A. (2010) Typology of the dissident movement in the USSR (1950s–1980s). Moscow: Tsentr issledovaniy pravoslavnoy kul'tury i traditsii. 197 p. (In Russ.)

Sokolov V.M. (2010) The image of Russia in the British mass media at the beginning of the 1990s. (Culturological aspect). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik Orenburg State University*. No. 1 (107). P. 64–69. (In Russ.)

Uryadova A.V. (2015) The possibility of using imagology for studying the image of Soviet Russia (USSR) among the Russian Emigration. *Vestnik Yaroslavskogo gosu-*

дарственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2015. № 4 (34). С. 32–36.

Федоров Н. Проблема Солженицына, СССР и Россия // *Согласие*. 1977а. № 310. С. 18–27.

Федоров Н. Проблема Солженицына, СССР и Россия // *Согласие*. 1977б. № 311. С. 13–20.

Чернолуцкая Е.Н. А была ли «стагнация»? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000-е гг. // *Россия и АТР*. Владивосток. 2015. № 4 (90). С. 34–47.

Ширин С.С. Парадигмы исследования образа России на Украине // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 6. Санкт-Петербург. 2008. Вып. 1. С. 78–86.

Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. 768 с.

Сведения об авторе

Кулепанова (Шугайло) Татьяна Сергеевна,
член Дальневосточного информационно-культурного центра «Русское зарубежье» Приморского краевого отделения «Русского Географического Общества» – Общества изучения Амурского края, 690091, Владивосток, ул. Петра Великого, 4, Россия,
✉ e-mail: Randy-t@rambler.ru

Заявленный вклад автора

Т.С. Кулепанова (Шугайло) выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Поступила в редакцию 18 января 2021 г.
Поступила после рецензирования и доработки 26 апреля 2021 г.
Принята к публикации 3 мая 2021 г.

darstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Gumanitarnye nauki = Bulletin of the Yaroslavl State University Ser. Humanity sciences. No. 4 (34). P. 32–36. (In Russ.)

Fedorov N. (1977a) Solzhenitsyn's problem, the USSR and Russia. *Soglasie = Agreement*. No. 310. P. 18–27. (In Russ.)

Fedorov N. (1977b) Solzhenitsyn's problem, the USSR and Russia. *Soglasie = Agreement*. No. 311. P. 13–20. (In Russ.)

Chernolutskaia E.N. (2015) Did there “Stagnation” even exist? Rethinking the reasons of Soviet Perestroika in the West in the 2000s. *Rossiia i ATR = Russia and the Pacific*. Vladivostok. No. 4 (90). P. 34–47. (In Russ.)

Shirin S.S. (2008) Image of Russia in the Ukraine research paradigms. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 6. Iss. 1. P. 78–86. (In Russ.)

Shubin A.V. (2000) From “stagnation” to reforms. The USSR in 1917–1985. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 768 p. (In Russ.)

Information about the author

Tatyana S. Kulepanova (Shugaylo),
Fellow of Section of Primorsky regional department of Russian Geographical Society – Society of research of Amur region. Far Eastern information and cultural center “Russian Diaspora”,
4, Peter the Great street, Vladivostok 690091, Russia,
✉ e-mail: Randy-t@rambler.ru

Contribution of the author

T.S. Kulepanova (Shugaylo) carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

Received January 18, 2021.
Received April 26, 2021.
Accepted May 3, 2021.